

ГЛАВА VII.

НЕПЛЮЕВА КУРГАНЪ. ДРЕВНЯЯ СЪЧЬ. КАПУЛОВКА. МОГИЛА СЪРКА. ПОКРОВСКОЕ. ПОСЛЕДНЯЯ СЪЧЬ. ОСТАТКИ. СВЕДѢНІЯ О БОГАТСТВѢ ЗАПОРОВСКОЙ ЦЕРКВИ. БИТЬ ЖИТЕЛЕЙ. ПРОГУЛКА СЪ РЫБАКОМЪ. УЖИНЪ. КРѢПОСТНОЕ ПРАВО.

За Никополемъ тутъ же почти начинается деревня г. Зейфор-та, Сулицко-лиманскъ, по простонародному Неплюева, не представляющая ничего замѣчательнаго для этнографа. Но на землѣ, принадлежащей этой деревнѣ, верстахъ въ десяти надъ Чертомлыкомъ есть заманчивый предметъ для археолога — именно громадный курганъ, виднѣющийся на далекомъ расстояніи. Не знаю, обратилъ ли онъ на себя вниманіе какого нибудь ученаго, а по величинѣ нѣтъ ему равнаго на мѣстностяхъ, которыя удалось мнѣ посѣтить во время моего путешествія. На немъ стоитъ грубое каменное изваяніе, о которомъ рассказываютъ любопытное происшествіе. Будто бы, кажется, прежнему еще владѣльцу или его управляющему вздумалось снять эту статую и будто бы нѣсколько паръ воловъ не могли стащить каменной бабы съ кургана, и лишь послѣ страшныхъ усилій удалось привести ее къ повиновенію. Видя это обстоятельство, помѣщикъ или управляющій, приказалъ снова поставить бабу на свое мѣсто и будто бы взнести ее было гораздо легче, нежели стаскивать съ кургана. Я не былъ очевидцемъ, а передаю событіе какъ рассказывали мнѣ о немъ на Чертомлыкѣ и въ Никополѣ. Подлѣ Неплюевой образовался значительный лиманъ, окруженный большими плавнями, потянувшимися далеко къ Днѣпру, идущему ближе къ таврическому берегу.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Неплюевой лежитъ небольшая деревня Капуловка, теперь совершенно незамѣчательная, но въ

которой находилась древнѣйшая или, по крайней мѣрѣ, вторая Сѣчь Запорожская, разоренная по повелѣнію Петра I, въ 1709 г.— вторая, если допустить, что первая была на Хортицѣ. Остатки этой Сѣчи приложены на планѣ къ сочиненію г. Скальковскаго; но въ настоящее время самый островокъ гораздо меньше и въ половодье — чуть замѣтна верхушка его. Островокъ этотъ лежитъ при сліяніи Чертомлыка съ Павлюкомъ, и первая рѣчка, протекавшая еще въ двадцатыхъ годахъ небольшимъ ручьемъ, теперь образовала широкую и глубокую рѣку, которая ежегодно размываетъ утесистый островокъ и удаляетъ его отъ капуловскаго берега. Посѣщаль я остатки жилища козаковъ, разореннаго до основанія русскими войсками при содѣйствіи малорусскаго полковника Галагана, и не нашелъ уже и тѣхъ примѣтъ, какія удалось видѣть г. Скальковскому. Яма еще замѣтна, гдѣ, по догадкамъ автора, должна была стоять церковь; но дѣйствительно ли такъ было, удостовѣриться нѣтъ возможности. А мѣсто нельзя избрать лучше для воинственной общины. Только, судя по всему и принявъ во вниманіе пространство острова въ первоначальномъ его видѣ, — нельзя предположить, чтобы тамъ помѣщалась вся община, а вѣротно находилась церковь, курени войсковой старшины, школа, пушкарня и другія войсковыя строенія. Это доказывается тѣмъ, что на капуловскомъ берегу замѣтны слѣды валовъ и осталось еще нѣсколько могилъ, пощаженныхъ войсками, временемъ и до сихъ поръ еще не разоренныхъ мѣстными жителями. Последнюю фразу мнѣ, какъ истому малоруссу, было писать довольно грустно; но страннѣе она покажется тому, кто прочель у г. Скальковскаго поэтичское описаніе Сѣчи, гдѣ почтенный авторъ говоритъ, что окрестные жители съ какимъ то благоговѣніемъ смотрятъ на остатки козачьей старины. Это было написано по поводу могилы кошеваго атамана Сѣрка, о которомъ я тоже скажу въ свою очередь. Иванъ Сѣрко, этотъ запорожскій баярдъ, извѣстенъ каждому, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ книгами, именующимися исторіей Малороссіи, — какъ по его битвамъ съ татарами, такъ и по нѣкоторымъ оригинальнымъ письмамъ, пересыпаннымъ козачьей солью и ироніей. Атаманъ этотъ пользовался заслуженной славой и похороненъ въ Капуловкѣ съ большимъ почетомъ. Могила его вдвое болѣе прочихъ запорожскихъ могилъ, превосходящихъ впрочемъ обыкновенныя могильныя насыпи, и на ней

поставленъ плоскій камень съ надписью, уже изглаживающейсѣ, но сохраненной при «Исторіи новой Сѣчи». Надъ этимъ камнемъ стоялъ небольшой крестъ, что даже и замѣтно, но куда онъ дѣвался—неизвѣстно.

Живо помню какъ свѣтлымъ осеннимъ днемъ 1856 г. побѣждалъ я къ Капуловкѣ и хотя у меня тогда уже разсѣялись поэтическія фантазіи, которыми нравилось когда то украшать родную исторію, однако я приближался къ древней Сѣчи не совсѣмъ равнодушно: часа два передъ тѣмъ я еще разъ пробѣжалъ нѣсколько страницъ г. Скальковскаго. Въѣхавъ въ Капуловку, я выскочилъ изъ тарантаса и почти побѣждалъ на древнее кладбище..... Большія могилы въ безпорядкѣ разбросаны подъ плетнями и на трехъ только вросли глубоко въ землю согнутые каменные кресты. По этимъ могиламъ бродили разныя животныя....

—На всѣхъ были кресты еще недавно, замѣтилъ мнѣ провожатый,—да мужики растащили.

—Веди меня къ могилѣ Сѣрка, сказала я, считая слова проводника ничего незначащею фразою, и спѣша поскорѣ увидѣть гробницу знаменитаго кошеваго.

Проводникъ мой подошелъ къ воротамъ одного двора, отворилъ ихъ и пригласилъ меня войти.

—Какъ, развѣ Сѣрко лежитъ во дворѣ?

—Нѣтъ, онъ въ огородѣ у этого крестьянина.

Прохожу другія ворота, иду въ огородъ, поворачиваю за уголъ, и грустное негодованіе овладѣваетъ мною.... Огромный курганъ вспаханъ, хотя для этого, какъ извѣстно, нужно большихъ усилій, и надгробный памятникъ вождя запорожцевъ печально торчитъ между жидкою стернею сжатаго ячменя. Вотъ и благоговѣніе, которое существовало еще во время г. Скальковскаго. Кромѣ того, что высокій курганъ необыкновенно трудно пахать, но на подобномъ мѣстѣ и жатва бываетъ неудачна, потому что всходы высыхаютъ. Тѣмъ не менѣе хозяинъ такъ жаденъ и такъ мало цѣнитъ историческій памятникъ, что не жалѣетъ ни своихъ воловъ, вспахивая крутые скаты, ни сѣмянъ, которыя не приносятъ и поль-на-поль. Можетъ быть вы спросите, какъ же подобный историческій памятникъ можетъ найдтись въ огородѣ у крестьянина? Очень просто. Имѣніе это принадлежитъ барону Штиглицу, который всего одинъ разъ

прѣзжалъ
этого об
люди, од
рожекую
занимают
старинны
бы это л
мѣръ чел
Стоить л
упалъ съ
«поселян
Загово
вечно не
дѣть его,
насыпъ х
шался и
онъ моги
пользы,
кургана
надгробны
будь въ у
болѣе гр
Послѣ я
можно, о
хоть про
бается ел
жело для
гильной на
чаѣ. Про
Дибпра, я
свѣ моего
у крестьян
плуга леж
одна подо
Но какія
замѣтить,
и вездѣ, по
и я спроси
названія. О

прѣзжалъ сюда изъ Петербурга, а слѣдовательно и не знаетъ этого обстоятельства. Управляющіе нѣмцы, хотя и прекрасные люди, однако для нихъ совершенно все равно—роютъ ли запорожскую могилу свиньи или раскапываетъ крестьянинъ; они занимаются только содержаніемъ въ порядкѣ имѣнія, остатки же старины для нихъ дѣло не стоящее ни какого вниманія. Если бы это лежалъ какой нибудь нѣмецкій рыцарь или покрайней мѣрѣ челоуѣкъ, носившій нѣмецкую фамилію, а то Запорожець. Стоитъ ли беспокоиться о подобныхъ пустякахъ! Признаюсь, я узналъ съ облака, припомнивъ, что во времена г. Скальковскаго «поселяне приписывали могилѣ Сѣрка что-то сверхъ-естественное».

Заговорилъ я по этому случаю съ хозяиномъ огорода и, конечно не увлекаясь историческими воспоминаніями, началъ стыдить его, что онъ не уважаетъ прахъ собрата, что могильная насыпь христіанина не должна служить огородомъ. Мужикъ смѣшался и отговаривался тѣмъ, что лишь нѣсколько лѣтъ пашеть онъ могилу Сѣрка и что даже не получаетъ отъ этого никакой пользы, ибо посѣянное выгараетъ на солнцѣ. Однако же бока кургана значительно понижены, и не знаю какъ еще уцѣлѣлъ надгробный памятникъ, который можетъ пригодиться на что нибудь въ хозяйствѣ. Я взялъ обѣщаніе съ крестьянина не пахать болѣе гробницы кошеваго и пустился на дальнѣйшіе поиски. Послѣ я просилъ управляющаго и главноуправляющаго, если можно, огородить могилу Сѣрка, какъ любопытный памятникъ, хоть простой загородкой изъ лозы, которой въ имѣніи вырубается ежегодно огромное количество сажень; или, если это тяжело для экономіи, то покрайней мѣрѣ запретить разореніе могильной насыпи. Мнѣ было обѣщано содѣйствіе въ этомъ случаѣ. Проѣзжая теперь въ послѣдній разъ по этому побережью Днѣпра, я нарочно заворотилъ въ Капуловку взглянуть на дѣйствіе моего ходатайства: могила Сѣрка по прежнему въ огородѣ у крестьянина, не обнесена и простенькимъ тыномъ, но борозды плуга лежатъ уже гораздо ниже, такъ что распахивается лишь одна подошва кургана. И за это спасибо.

Но какія мѣста возлѣ Капуловки! Здѣсь впрочемъ необходимо замѣтить, что деревня эта, въ экономической конторѣ, а значить и вездѣ, по бумагамъ называется *Копыловкой*. Меня это заняло, и я спросилъ о причинѣ такой нелѣпой перемѣны историческаго названія. Одинъ глубокомысленный господинъ замѣтилъ, мнѣ что

Копыловка лучше, ибо здѣсь можно произвести названіе отъ слова Копыль (*), тогда какъ въ Капуловкѣ нельзя добраться смысла.

—Развѣ это мужичье умѣютъ назвать чтонибудь порядочно! прибавилъ глубокомысленный господинъ съ улыбкою.

Не смотря однако же на это, въ народѣ сохраняется это названіе и въ далекой окрестности.

Надо отдать справедливость Запорожцамъ, что всѣ ихъ городища лежатъ на превосходномъ мѣстоположеніи, и хотя они, конечно, имѣли болѣе въ виду удобство, чѣмъ красоту, однако Сѣчи ихъ необыкновенно живописны. Размытый островокъ съ сѣвера и юга окруженъ тѣнистымъ, высокимъ лѣсомъ, по которому текутъ свѣтлые и глубокіе протоки, образовавшіе въ свое время лабиринтъ путей сообщенія, извѣстный лишь опытнымъ запорожцамъ. Глубокій Павлюкъ, принявъ съ правой стороны Чертомлыкъ, а съ лѣвой рѣчку Скарбную, ниже Капуловки принимаетъ названіе Подпольной (или Подпільні, по мѣстному), которая, извиваясь подъ крутымъ берегомъ къ югу, образуетъ большой мысъ, служившій потомъ мѣстомъ послѣдней Сѣчи Запорожской, по возвращеніи общины изъ подъ власти султана турецкаго. Не знаю и удивляюсь, какъ почтенному автору «Исторіи новой Сѣчи» посчастливилось замѣтить благоговѣніе окрестныхъ жителей къ историческимъ остаткамъ. Здѣшнія земли населены выходцами изъ разныхъ мѣстъ, принесшими другіе интересы и другія воспоминанія. Вообще крестьянинъ нашъ не знаетъ исторіи самой близкой. Объ атакованьи Сѣчи будутъ вамъ рассказывать многіе, но пѣсня объ этомъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, неизвѣстна никому изъ обитателей въ обѣихъ Сѣчахъ Запорожскихъ. Можетъ быть, впрочемъ, когда г. Скальковскій писалъ свою исторію, еще жили старики, знавшіе кое что, хотя пѣсня объ атакованьи сѣчи, какъ она записана, не можетъ, по своему складу, принадлежать чисто малоруссу.

Ниже Капуловки, верстахъ въ трехъ или въ четырехъ, лежитъ селеніе Покровское, раскинутое на обширномъ мысѣ, о которомъ я говорилъ уже, на мѣстѣ послѣдняго коша Запорожскаго, разореннаго въ 1775 г. генераломъ Текелли, по волѣ Императрицы Екатерины II. Возвратясь изъ Алешекъ, Запорожцы не захотѣли уже селиться въ Капуловкѣ, а предпочли новое, хорошо имъ знакомое мѣсто. Г. Скальковскій приложилъ планъ бывшей

(*) Саноженая володка.

(*) Описаніе
большое, сер-
таною, съ ра-
лестъ, и сере-
Такое же бо-
ме на нѣкото-
Поменьше и

Сѣчи, по которому теперь уже съ трудомъ можно признать старинные козачьи окопы. Самое кладбище почти не существуетъ, ибо торчатъ одинъ лишь крестъ, да и тотъ свалится очень скоро, потому что нѣтъ ограды; а при г. Скальковскомъ много еще было ихъ на площади. Слѣды куреней едва уже замѣтны для глаза, а если что и сохранилось, такъ это ретраншаментъ, въ которомъ стоялъ русскій гарнизонъ, наблюдавшій за поведениемъ Запорожцевъ. Сѣчевой церкви нѣтъ, и на мѣстѣ ея сложена пирамидка изъ камней, увѣчанная крестикомъ, а тутъ же вблизи выстроена другая церковь, до половины каменная, а далѣе деревянная. Древній иконостасъ брошенъ на хорахъ, а нынѣшній довольно бѣденъ; въ притворахъ впрочемъ есть нѣсколько образовъ, оставшихся отъ козаковъ. Можно видѣть также весьма любопытную небольшую икону, изображавшую Покровъ пресвятыя Богородицы, какъ покровительницы Сѣчеваго товариства. Въ числѣ молящихся нарисованы запорожцы въ своихъ праздничныхъ костюмахъ; только жаль, что стерты слова молитвъ, выходившихъ изъ устъ козаковъ. Не знаю, увидитъ ли еще ктонибудь эту икону, потому что кое-кто находилъ неприличнымъ подобное изображеніе. У стѣнъ противоположныхъ алтарю сохранились еще и до сихъ поръ формы, въ которыхъ становилась въ время служенія войсковая старшина, но формы эти разрушаются и отваливается на нихъ рѣзьба. Въ ризницѣ весьма немного уцѣлѣло старинной утвари—печальные остатки того богатства, равнаго которому не было въ краю, ибо козаки заботились объ украшеніи своего храма. Антиминсъ сохранился очень хорошо. Малость же утвари, оставшаяся до нынѣ въ Покровскомъ, описана г. Скальковскимъ. Каково было богатство сѣчевой запорожской церкви можно видѣть изъ вѣдомости, приводимой преосвященнымъ Гавріиломъ въ Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей. Полагая, что изданіе это извѣстно немногимъ, я заимствую это примѣчаніе (*). И все это

(*) *Описаніе церковной утвари въ Сѣчевой Покровской церкви.* Евангелія: большое, серебромъ во всю доску окованное, вызолоченное, съ выкладкою финифтью, съ разными камнями простыми, на александрійской бумагѣ, въ большой листъ, и серебра на немъ высокой работы цѣлый пудъ.

Такое же большое, серебромъ окованное, вызолоченное во всю доску и съ камнями на некоторыхъ мѣстахъ. Серебра на немъ одинъ пудъ и два фунта.

Поменьше предъидущихъ, серебромъ окованное, вызолоченное во всю доску, и

разошлось частью по церквамъ, частью осталось при Потемкинѣ, а частью разграблено войсками при атакваньи Сѣчи. Историкъ Запорожья глухо упоминаетъ объ этомъ, но преданіе говорить утвердительно, приписывая подвигъ этотъ донскимъ козакамъ.

Въ деревнѣ есть нѣсколько сволоковъ съ надписями, и вотъ и всѣ памятники единственной въ Россіи военной общины, пережившей разныя фазы, подвизавшейся за православіе, впадавшей въ проступки, въ особенности тогда, когда она отжила свою

съ обѣихъ сторонъ обсыпано камнями и финифтями; серебра на немъ 30 фунтовъ.

Такой же величины, оковано серебромъ во всю доску и вызолочено съ чернью; серебра на немъ 30 фунтовъ. Два въ оправѣ краснаго бархата, въ коихъ серебра по 20 фунтовъ. Такое же въ красномъ бархатѣ оковано серебромъ; съ позолотою по мѣстамъ и надписью: «Филиппа, Маріи и Родіона». Такое же въ зеленомъ бархатѣ, оковано серебромъ съ позолотою. Такое же въ синемъ бархатѣ: оковано серебромъ съ позолотою. Такое же въ синемъ бархатѣ. Подобное сему въ зеленомъ бархатѣ, поменьше другихъ, на простомъ листѣ, оковано серебромъ. И того всѣхъ евангелій одинадцать.

Кресты и таблицы.

Большой напрестольный, серебряный съ позолотою, въ коемъ серебра до 24 фунтовъ. Другой поменьше, въ коемъ показано серебра 9 фунтовъ, а на позолоту употреблено 9 червонцевъ; у креста сего на подножій и надпись вырѣзана. Такой же точно серебряный, съ позолотою; въ немъ серебра 9 фунтовъ. Такой же съ ручкою и подножіемъ серебрянымъ, серебра въ немъ $2\frac{3}{4}$ фунта. Серебряный весь, безъ дерева внутри, съ позолотою, на немъ литое Распятіе съ подножіемъ; серебра тутъ 2 фунта. Серебряныхъ еще два съ позолотою, длиною по двѣ четверти; въ обоихъ серебра $4\frac{1}{2}$ фунта. Серебряный безъ позолоты, длиною въ полторы четверти: серебра въ немъ $1\frac{1}{2}$ фунта. Такой же серебряный на подножій, по мѣстамъ вызолоченъ, вѣсу въ немъ два фунта. Два креста серебряные, вызолоченные, изъ коихъ на одномъ литое Распятіе въ полномъ видѣ, а на другомъ чеканенное, длиною (по полторы четверти; вѣсу въ нихъ четыре фунта. Крестъ серебряный вызолоченный, съ подножіемъ, съ рѣзбою на крестѣ, длиною въ полторы четверти; въ немъ вѣсу $1\frac{1}{4}$ фунтъ. Три креста деревянныхъ, рѣзной работы, оправлены серебромъ и по мѣстамъ вызолочены; вѣсу въ нихъ три фунта. Два креста ручные, старинные, серебряные съ позолотою, длиною по одной четверти съ верхкомъ; въ нихъ вѣсу одинъ фунтъ. Крестъ на деревѣ рѣзной работы, оправленный серебромъ, безъ позолоты; въ немъ вѣсу одинъ фунтъ и двѣнадцать золотниковъ. Три креста рѣзной, деревянной работы, оправленные серебромъ, въ коихъ вѣсу одинъ фунтъ и двадцать четыре золотника. Четыре креста ручныхъ маленькихъ, деревянной рѣзной работы, въ коихъ вѣсу 83 золотника. Два креста ручные деревянные, въ нихъ вѣсу пятьдесятъ семь золотниковъ. Крестъ серебряный чеканной работы, съ подножіемъ, длиною полгаршина; въ немъ вѣсу одинъ фунтъ тридцать пять золотниковъ. Крестъ серебряный ручной, длиною въ одну четверть и полтора вершка; въ немъ сорокъ три золотника.

пору и
приним
да уже
уничто
въ жи
невѣдом
да нако
можно

Крестъ де
десять зол
ленные се
доскѣ сере
ная съ поз
Христово.

Золота ку
вѣсу 25 фу
и серебра

Семь сере
двадцать ше
ты, безъ поз
дѣ ангеловъ
дотовъ. Сере
коихъ на каж
таблица, въ пр
никадиль трид

Большой сер
товъ. Меньшій
Серебряный съ
ними штучками
ий два серебря
меньшихъ, безъ
ныхъ съ позоло
золоченныхъ съ
же съ позолотой
изъ коихъ одна
безъ позолоты ч
рода вещей двад

пору и казалась уже аномаліей въ государствѣ, начинавшемъ принимать гражданскій порядокъ и благоустройство. Теперь, когда уже протекло болѣе трехъ четвертей столѣтія со времени уничтоженія Сѣчи, когда утвердительно можно сказать, что нѣтъ въ живыхъ ни одного изъ сѣчевыхъ рыцарей, развѣ гдѣ нибудь невѣдомо доживаетъ долгій вѣкъ столѣтній запорожецъ, и когда наконецъ Россія стала на значительную ступень образованія, можно бы рассказывать прямо, безъ перифразъ, всѣ любопытные

Крестъ деревянный, рѣзной работы, въ оправѣ серебрянной: въ немъ вѣсу пятьдесятъ золотниковъ. Три креста маленькихъ, деревянной рѣзной работы, оправленные серебромъ: въ нихъ вѣсу двадцать два золотника. Крестъ деревянный, въ доскѣ серебрянной, рѣзной работы, вѣсу въ доскѣ 9½ фунтовъ. Таблица серебрянная съ позолотою, на одной сторонѣ Покровъ Богоматери, а на другой Воскресеніе Христово. Въ ней вѣсу 2¼ фунта.

Золото и серебро.

Золота кусочекъ, въ немъ вѣсу полтора червонца. Серебра девять кусковъ. Въ нихъ вѣсу 25 фунтовъ. Серебра лому 20 фунтовъ. И того крестовъ съ остатками золота и серебра 36 номеровъ

Лампады.

Семь серебряныхъ висячихъ, гладкой работы, вокругъ вызолочены, въ нихъ вѣсу двадцать шесть фунтовъ и двадцать лотовъ. Серебряныхъ висячихъ, чеканной работы, безъ позолоты, восемнадцать; въ нихъ вѣсу 38½ фунтовъ. Серебряныхъ въ видѣ ангеловъ четыре, изъ коихъ три съ позолотою, въ нихъ вѣсу 26 фунтовъ и 20 лотовъ. Серебряное большое паникадило въ косую сажень, въ немъ три ряда, изъ коихъ на каждомъ по 20 подсвѣчниковъ (вѣсу непоказано). Серебряныхъ три паникадила, въ притворахъ, въ каждомъ подсвѣчники въ три ряда. Всѣхъ лампадъ и паникадилъ тридцать три.

Потиры, диски и прочія къ тому принадлежности.

Большой серебряный, съ позолотою, чеканной работы; въ немъ вѣсу девять фунтовъ. Меньшій серебряный, съ позолотою, болгарской работы; вѣсу 3½ фунта. Серебряный съ позолотою, три фунта. Серебряный съ позолотою и съ финифтяными штучками, вѣсу три фунта. Серебряный съ позолотою, вѣсу три фунта. Кошій два серебряныхъ; вѣсу въ нихъ тридцать золотниковъ. Лжиць серебряныхъ меньшихъ, безъ позолоты, шесть; въ нихъ вѣсу 35 золотниковъ. Лжиць серебряныхъ съ позолотою, четыре; вѣсу сорокъ золотниковъ. Дисковъ серебряныхъ вызолоченныхъ съ подножіемъ шесть; вѣсу 5 фунтовъ. Меньшихъ серебряныхъ, также съ позолотою, безъ подножій (несказано сколько). Звѣздъ вызолоченныхъ двѣ, изъ коихъ одна съ финифтью; вѣсу въ нихъ одинъ фунтъ. Звѣздъ серебряныхъ безъ позолоты четыре; въ нихъ вѣсу сорокъ четыре золотника. Всѣхъ такого рода вещей двадцать девять.

факты, касающіеся Запорожья. Часто козаки бывали не правы, но все же не слѣдуетъ ихъ называть безусловно разбойниками, отказывать имъ въ заслугахъ и считать эту общину нестѣющею вниманія. Запорожье ждетъ своего историка, потому что г. Скальковскій въ своемъ сочиненіи собралъ только матеріалы, да и значительная часть козачьяго архива находится неразобранная, какъ я самъ видѣлъ, у г. Скальковского. По моему мнѣнію, за это надобно взяться человѣку, основательно знающему не толь-

Чашы.

Чашь небольшихъ серебряныхъ съ позолотою, чеканной работы, двѣ; въ вѣсѣ вѣсу $2\frac{1}{2}$ фунта. Чашь маленькихъ четыре, серебряныхъ съ позолотою двѣ, вѣсу полтора фунта. Чаша серебряная, внутри также вызолоченная, небольшая, вѣсу 2 фунта. Всѣхъ чашь восемь.

Гробницы.

Гробница большая серебряная съ позолотою; вѣсу въ ней шестнадцать фунтовъ. Гробница малая серебряная, вызолоченная; вѣсу три фунта. Гробница походная, съ частью Животворящаго древа, серебряная вызолоченная, съ маленькою лжицею; вѣсу 70 золотниковъ. Вторая подобная ей, вызолоченная, вѣсу въ ней 80 золотниковъ. Итого такихъ вещей четыре.

Вещи разнородныя.

Блюдо всеночное, серебряное безъ, позолоты; вѣсу въ немъ пять фунтовъ. Чашекъ съ крышками, принадлежащихъ къ сему блюду, пять; въ нихъ вѣсу $1\frac{1}{4}$ фунта. Кубковъ серебряныхъ малыхъ и великихъ шесть, изъ коихъ одинъ вызолоченъ; вѣсу одинъ фунтъ, 53 золотника. Чарокъ серебряныхъ малыхъ семь, въ томъ числѣ одна вызолочена; вѣсу 4 золотника. Сіяльничковъ два, серебряные, первый въ двѣ свѣчи, а другой въ три; вѣсу въ нихъ три фунта. Подсвѣчниковъ на престольныхъ серебряныхъ два; въ нихъ вѣсу $2\frac{1}{2}$ фунта. Кумановъ, т. е. стакановъ серебряныхъ, два; въ нихъ вѣсу четыре фунта. Крышка на чашу, для зимняго времени, серебряная; въ ней вѣсу 57 золотниковъ. Кадильницъ серебряныхъ безъ позолоты шесть; въ нихъ вѣсу 8 фунтовъ. Кружка серебряная съ позолотою чеканной работы, со вставленными иностранными монетами; въ ней вѣсу $1\frac{1}{4}$ фунта. Звѣздъ серебряныхъ съ ручками четыре, изъ коихъ двѣ по мѣстамъ вызолочены; вѣсу четыре фунта 21 золотникъ. Серебряныхъ бляшекъ, съ изображеніемъ разныхъ святыхъ, шестьдесятъ одна; въ нихъ вѣсу семь фунтовъ и двадцать девять лотовъ. Двѣ маленькія иконы Пресвятыя Богородицы, съ серебряными чеканными шатами безъ позолоты, изъ коихъ одна четырехугольная, а другая продолговатая; вѣсу нѣтъ. Подсвѣчникъ серебряный чеканной работы, длиною въ одинъ аршинъ и три четверти; вѣсу въ немъ 15 фунтовъ и 12 лотовъ. Подсвѣчниковъ на престольныхъ серебряныхъ, чеканной работы, безъ позолоты, длиною въ одинъ аршинъ, а въ нихъ вѣсу одиннадцать фунтовъ и два лота. Челейтъ серебряныхъ разныхъ вызолоченныхъ и невызолоченныхъ, съ камешками, тридцать шесть; вѣсу въ нихъ четыре фунта девятнадцать золотниковъ. Тарелка серебряная гладкая; въ ней вѣсу 29 лотовъ и золотникъ. Коронъ малыхъ, приделанныхъ къ иконамъ, и великихъ

ко исторію края, но глибо изучившему бытъ и языкъ народа, и совершенно отрѣшившемуся отъ всѣхъ мелочныхъ и племенныхъ столкновений. Мнѣ кажется, что отъ пера г. Костомарова можно бы ожидать прекрасной исторіи Запорожья, если бы авторъ посвятилъ нѣкоторое время на изученіе любопытныхъ мѣстностей и остатковъ старины въ бывшей палестинѣ степныхъ рыцарей. Я рекомендовалъ бы ему одну ходячую лѣтопись. Недалеко

вызолоченныхъ и невызолоченныхъ шестьдесятъ девять; вѣсу нѣтъ. Всѣхъ такихъ вещей двѣсти десять.

Серебряныя и золотыя оклады на иконахъ.

Шата Спасителя большая, съ вызолоченною короною, хорошей работы, украшена разными дорогими каменьями. Шата на образѣ Богоматери, съ большою вызолоченною короною; украшена дорогими каменьями. Шата большая на Покровѣ Богоматери. Шата большая на образѣ Николая Чудотворца, съ вызолоченною короною. Шата большая, на соединеніе иконостаса, называемая «Архирей». Шата большая, съ короною, на образѣ Спасителя, въ притворѣ. Шата большая на образѣ Богоматери, съ короною, въ притворѣ же. Шата на Нерукотворенномъ образѣ, надъ царскими вратами. Шать средней руки на разныхъ образахъ восемь. Всѣхъ такихъ шать шестнадцать.

Царскія двери и другіе разнородные дорогіе предметы.

Царскія двери *совсѣмъ слитыя изъ серебра и вызолоченныя, блиною косою сажени.* Медалей золотыхъ, большихъ, жалованныхъ за заслуги бывшимъ запорожскимъ старшинамъ отъ Двора Государева, четыре; одна маленькая медаль золотая съ портретомъ Государыни Императрицы на одной сторонѣ, а на другой изображеніе коронаціи. Черволицевъ на провѣсахъ большихъ десять, меньшихъ двойныхъ сто сорокъ два. Медаль большая серебрянная въ позолоченной оправѣ, жалованная при коронаціи. И того всѣхъ вещей подъ снѣмъ разрядомъ пятьсотъ сорокъ три.

Жемчугъ.

Жемчугу мелкаго на иконѣ мѣстной Богоматери тридцать нитокъ, крупнаго съ коронками шесть. Всего такимъ образомъ жемчугу тридцать семь нитокъ. Особая примѣчанія, кромѣ царскихъ вратъ, заслуживаетъ налоецъ орѣховый, черепашиями и перловыми рещейками оправленный, отъ іерусалимскаго патріарха, въ сѣчу Запорожскую, присланный. И того всѣхъ вещей знатныхъ и незнатныхъ пятьсотъ сорокъ три.

Извлеченіе сіе почеркнуто изъ общей описи всей церковной утвари. Въ оное не вошли ризы, ни стихари, ни книги. Ибо между книгами рѣдкихъ не находилось; а ризы и стихари, хотя драгоценныя также были, но отъ употребленія, небрежнаго можетъ быть, въ одной и той же добротѣ они не остались. Достаточно сказать, что ризъ различныхъ, больше парчевыхъ и бархатныхъ, въ селѣ Покровскомъ было до ста. Стихарей съ орарами, подризниками, поясами и поручами болѣе трехъ сотъ, къ которымъ если прибавить число вещей выше показанныхъ, то произойдетъ общая сумма восемь сотъ сорокъ три». (Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Т. III стр. 104—108).

отъ Покровскаго за Базавлукомъ, вблизи села Шолохова живеть помѣщикъ А. И. Стѣна, сынъ извѣстнаго Запорожца, обладающій огромнымъ запасомъ рассказовъ и могущій служить значительною помощію при собираніи матеріаловъ. Почтенный старикъ, не смотря на оригинальность, хранитъ большой запасъ свѣдѣній и гораздо живѣе передаетъ бытъ Запорожья, чѣмъ такъ называемые любители старины, которые искусно отдѣлываются общими мѣстами, умѣютъ кстати щегольнуть почерпнутымъ гдѣнибудь свѣдѣніемъ и приобрѣли навыкъ казаться скрытными т. е. какъ будто бы они знаютъ много, но имѣютъ причины таиться со своими матеріалами. Видѣлъ я и такихъ господъ и внутренно смѣялся надъ ихъ продѣлками.

Пребываніе въ Покровскомъ оставляло во мнѣ всегда сначала какое то грустное впечатлѣніе, изглаживавшееся потомъ подвліяніемъ другаго. Печальныя развалины, отъ которыхъ едва остаются слѣды, могилы усопшихъ гражданъ Сѣчи, попираемые равнодушно, и это всеобщее невниманіе къ славной старинѣ—наводили на меня тоскливое расположеніе духа, но вскорѣ пробуждался во мнѣ современный человѣкъ, и видя вокругъ довольство, мирную жизнь и тихое счастье селянина, я примирялся съ настоящимъ. Да и можно ли требовать отъ жителей Покровска, чтобы они сберегали бѣдные памятники козачества, когда у насъ и болѣе образованное сословіе не заботится объ этомъ. Наконецъ развѣ же покровскіе жители потомки Запорожцевъ? Все это народъ, переселившійся Богъ знаетъ откуда и если ихъ дѣды смотрѣли, можетъ быть, иными глазами на своихъ предшественниковъ, то внукамъ нельзя поставить въ вину этого естественнаго равнодушія въ поселанинѣ. За то же въ Покровскомъ и Капуловкѣ, какъ и вообще во всѣхъ имѣніяхъ барона Штиглица, привольное житье для крестьянина, такъ что я не знаю согрѣшу ли, сказавъ, что подобнаго благоденствія нѣтъ ни у одного помѣщика на всемъ правомъ берегу Днѣпра. У Н. В. Синельникова на порогахъ, какъ я и писалъ уже, люди живутъ прекрасно и управляются разумно и добросовѣстно, однако же у барона имъ еще болѣе предоставлено средствъ къ довольной жизни. Рабочіе дни здѣсь разсчитаны необременительно и соблюдается самый строгій порядокъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ крестьянинъ получаетъ облегченіе уже тѣмъ, что чрезъ двѣ недѣли на третью выходитъ для исполненія ка-

кой нибу
требуют
дите дѣв
онѣ ран
Въ по
прогулк
быть, вѣ
титься в
завалинк
обстроил
возлѣ эт
во всѣхъ
дышавші
можно
на улицу
громкій
пѣсни дѣ
русскихъ
годовому
нѣскольк
небомъ,
ловкѣ, не
торыми н
уноситься
чали вых
цевъ и ст
отъ меня
словно вс
чезнувшей
въ колоко
потухла. П
кихъ шаг
(нѣкогда
плачь, не
нуту боли
и мѣрный,
тугу. Пла
ють минут
закоулкамъ

койнибудь легкой обязанности. Молодые люди обоего пола не требуются на барщину раньше 17 летъ, такъ что вы рѣдко увидите дѣвушекъ на господской работѣ, потому что въ деревняхъ онѣ рано выходятъ замужъ.

Въ послѣдній проѣздъ мой чрезъ Покровское, возвратясь изъ прогулки по Капуловкѣ, куда ѣздилъ я побродить, можетъ быть, въ послѣдній разъ по историческому кладбищу и прокатиться въ лодкѣ по живописнымъ протокамъ, я присѣлъ на завалинкѣ своей квартиры. Хозяинъ мой, человекъ зажиточный, обстроилъ свой дворъ очень хорошо, и я любовался чистотою возлѣ этого простаго жилища и порядкомъ, господствовавшимъ во всѣхъ земледѣльческихъ принадлежностяхъ. Весенній вечеръ, дышавшій теплотою, кажется, первый еще въ этомъ году, что можно было назвать весеннимъ, вызвалъ все народонаселеніе на улицу, и вокругъ меня въ разныхъ мѣстахъ раздавались то громкій разговоръ стариковъ, то веселый смѣхъ молодежи, то пѣсни дѣвочекъ, распѣвавшихъ веснянки — особый родъ малорусскихъ пѣсень, въ которыхъ заключается привѣтъ лучшему годовому времени. Запахъ свѣже-распустившихся листьевъ и нѣсколькихъ цвѣтущихъ деревьевъ, подъ безоблачнымъ южнымъ небомъ, въ особенности послѣ поэтической прогулки въ Капуловкѣ, невольно навѣвали на душу безымянныя грезы, съ которыми какъ то легко живется на бѣломъ свѣтѣ и еще легче уноситься въ давно-минувшее. Передо мною мало по малу начали выходить изъ забвенья толпы усатыхъ суровыхъ Запорожцевъ и строились густыми рядами около церкви, которая была отъ меня всего шагахъ въ пятидесяти.... Нѣсколько минутъ я словно всматривался въ загорѣлыя воинственныя лица этой исчезнувшей дружины. Но вотъ сторожъ на колокольнѣ ударилъ въ колоколь, и я очнулся къ дѣйствительности. Сигара моя потухла. Говоръ сдѣлался тише, умолкли пѣсни, а въ нѣсколькихъ шагахъ, въ цвѣтущемъ садикѣ, выходящемъ на уступъ (нѣкогда глубокой заливъ), раздавался тихій не сдерживаемый плачь, не тотъ отрывистый, вырывающійся изъ сердца въ минуту боли или внезапнаго огорченія, а необыкновенно плавный и мѣрный, которымъ малорусскія женщины выливаютъ свою тугу. Плакать такимъ образомъ называется *тужить*, и бываютъ минуты, когда плачь этотъ словно пробирается по всѣмъ закоулкамъ вашего сердца. Машинально я всталъ съ завалинки

и подошлѣ къ плетню. Подъ цвѣтущею грушею сидѣли двѣ молодыя дѣвушки, изъ которыхъ я въ одной узналъ хозяйскую дочку, и тужили, наклоня одна къ другой свои убранныя въ ленты головки.

— О чемъ вы плачете, голубушки, спросилъ я ихъ, разумѣется по малорусски и дѣйствительно съ участіемъ.

Дѣвушки перестали тужить и посмотрѣли на меня заплаканными глазами. Я повторилъ вопросъ.

— Какъ же намъ не плакать, отозвалась хозяйская дочка: намъ вѣдь исполнилось по 17 лѣтъ.

— Такъ что же за бѣда! Я на вашемъ мѣстѣ танцевалъ бы или покрайней мѣрѣ пѣлъ отъ радости.

— Хорошо вамъ, вы другое дѣло, проговорила незнакомая дѣвушка и, обратясь къ подругѣ, снова собиралась начать причесаніе.

— Какое же горе у васъ, милыя? Нельзя ли, можетъ быть, помочь....

— Э никто не пособить!... Видите ли, мы до сихъ поръ жили какъ у Бога за дверью, работали дома что нужно, никто насъ не принуждалъ, а завтра первый разъ *выгоняютъ насъ на панщину*.

И дѣвушки снова заплакали.

— Вотъ дуры-то, вотъ дуры, какъ разревѣлись, сказала хозяйка, подходя къ плетню съ моей стороны: и вамъ не стыдно чужаго человѣка! Простите ихъ, продолжала она, обращаясь ко мнѣ: извѣстно, дѣти молодыя, не бывали на панщинѣ, такъ имъ страшно. Онѣ вѣдь не разсудятъ, что у другаго пана дѣвочка едва подыметъ на ноги, какъ ее уже и гонятъ на работу, а у насъ не трогаютъ до 17 лѣтъ. Перестаньте рюмить, а лучше ложитесь раньше спать, чтобы не опоздать въ поле. Идите, я вамъ приготовила позавтракать на утро.

— Нѣтъ, мама, мы пойдемъ еще разспросимъ у другихъ, какъ тамъ на панщинѣ, чтобы намъ знать....

— Полно городить глупости! И стыда нѣтъ у васъ! Дѣвки хоть сейчасъ замужъ, а словно дѣти. Перестаньте, не то и пань чужой будетъ смѣяться.

Дѣвушки ускромнились и съ глубокими вздохами пошли въ хату. Я долго еще сидѣлъ на завалинкѣ и думалъ о происшедшей сценѣ, которая живѣе затронула меня, чѣмъ привидѣнія

запорож
приволье
обязанн
тяжелое
Земл
скотъ
отъ эко
ихъ ро
крѣпост
комой
веселья
Здѣсь
спинѣ,
бѣлѣмт
крестья
Скол
покрай
видимол
скомъ,
сплошь
Боль
причин
жащія
неурож
запасы
по рѣч
жаніе
выгоды,
значите
водами,
(переме
мѣстных
столь в
паегъ с
вой стел
съ успѣ
въ опре
множест
видъ не

запорожцевъ, вызванный моимъ воображеніемъ. Не смотря на все приволье, на всю легкость бремени сравнительно со многими, обязанный трудъ производить на крестьянина какое то грустно-тяжелое впечатлѣніе.

Земли у барона Штиглица дается вдоволь, сѣнокоса тоже, и скоть ходитъ по степи въ какомъ угодно количествѣ. Кромѣ того отъ экономіи жертвуются крестьянамъ племенные быки, и оттого ихъ рогатый скоть—лучшій въ окрестности. Однимъ словомъ—крѣпостное бремя здѣсь легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было на знакомой мнѣ мѣстности. И что за славный народъ покровцы! Какія веселыя лица! какое сложеніе, и что за щегольство въ костюмѣ. Здѣсь молодежь носитъ козакины съ прошивами на рукавахъ и спинѣ, въ родѣ уланскихъ, и любитъ щеголять хорошо вышитымъ бѣльемъ, какъ это водится вездѣ у заможнаго приднѣпровскаго крестьянина.

Сколько я входилъ въ избы, вездѣ замѣтно довольство или по крайней мѣрѣ безбѣдная жизнь; вездѣ встрѣчалъ я пустыя, по видимому, вещицы роскоши, но много значащія въ быту крестьянскомъ, безъ которыхъ обходятся въ помѣщичьихъ деревняхъ сплошь и рядомъ.

Большое подспорье хозяйству покровцевъ и можно сказать причина ихъ благосостоянія—это неизходимыя плавни, принадлежащія барону Штиглицу, въ которыхъ, при самомъ сильномъ неурожаѣ травъ на степи, всегда есть сѣно и гдѣ огромные запасы лѣса для разныхъ домашнихъ потребностей. Рыбныя ловли по рѣчкамъ и протокамъ—экономія отдаетъ въ откупное содержаніе своимъ крестьянамъ, которые получаютъ отъ этого большія выгоды, занимаясь круглый годъ рыболовствомъ, приносящимъ значительный доходъ трудолюбивому человѣку. Рыбу ловятъ неводами, сѣтями, вентерями, вершами, а иногда и бреднемъ; крючья (переметы) тоже бываютъ въ употребленіи. Вслѣдствіе подобныхъ мѣстныхъ условій, при страшномъ изобиліи дичи, крестьянской столъ въ Покровскомъ, по крайней мѣрѣ на мой вкусъ, не уступаетъ столу иного небогатаго помѣщика, гдѣ нибудь въ безводной степи, въ отдаленіи отъ города или отъ мѣстечка. Покровцы съ успѣхомъ разводятъ огородныя овощи, и капуста ихъ славится въ окрестности: 1 октября во время ярмарки сюда стекается множество покупателей за этимъ продуктомъ. Въ иной избѣ, на видъ небольшой и не означающей особаго достатка, мнѣ случалось

за обѣдомъ встрѣчать три кушанья, приготовленные въ изобиліи, такъ что хозяйка, кромѣ семьи, могла бы угостить двухъ постояроннихъ. И какъ это вкусно приготовлено! а главное, съ какимъ радушіемъ предлагаются лучшіе куски посѣтителю, безъ всякой запасной мысли, потому что предложить плату за обѣдъ, на который вы попали случайно и сѣли по усиленной просьбѣ, значить обидѣть добрыхъ людей, исполняющихъ долгъ гостепріимства.

Поѣхали мы однажды ловить рыбу съ однимъ старикомъ. Онъ взялъ сѣти, я свои удочки, и мы съ ранняго утра удалились въ тотъ лабиринтъ протоковъ, которымъ нерѣдко очень кстати пользовались Запорожцы. Отправляясь въ продолжительную экспедицію, я положилъ себѣ хлѣба и жаренаго цыпленка, запасшись, какъ водится, сигарами. Спутникъ мой, лѣтъ 55, крѣпкій и ловкій, обиняками отговаривалъ меня не помогать ему грестъ, но когда я объявилъ, что это для меня большое удовольствіе, — онъ выразился ясенѣе, что я только буду мѣшать ему, ибо *каючекъ* его очень легкой, а намъ приходилось проѣзжать множество извилистыхъ протоковъ. Дѣйствительно, изъ рѣчки Сысины мы въѣхали въ плавни и пошли колесить по такимъ то озерамъ и *бакаямъ*, какъ называются ручьи у мѣстныхъ жителей. Иногда мы останавливались на широкихъ водахъ разлива подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ, и мой спутникъ рассказывалъ мнѣ разныя легенды. Здѣсь каждое урочище полно преданій, и хотъ жители преимущественно бѣглые крестьяне съ лѣвой стороны Днѣпра, однако отцы ихъ знавали многихъ Запорожцевъ лично и рассказывали подробно о многихъ событіяхъ общины. Въ особенности меня занимали рассказы о такъ называемыхъ *характерникахъ*. Въ «Устномъ повѣствованіи Коржа» (*) упоминается о нихъ весьма кратко. Вотъ что говоритъ этотъ ветеранъ на стр. 22: «*характерники*, т. е. такіе волшебники, что ихъ никакое огнестрѣльное оружіе, ни пуля ни пушка уничтожить не можетъ». Кромѣ тайны заговаривать оружіе, они могли, по мнѣнію козаковъ, напускать туманъ въ глаза преслѣдователямъ и вообще кому хотѣли, отыскивать въ степи воду, лѣчить самыя тяжелыя раны и въ случаѣ надобности вступать въ сношенія съ духами. По-

(*) Брошюра эта, изданная архіепископомъ Гаврииломъ, сдѣлалась уже библиографической рѣдкостью.

добные лю
последнее
шихъ по п
скихъ пров
подъ имен
время суще
исслѣдован
который за
во чрезвыч
ияли хар
религіозной
ниѣ правос
сѣчевой ста
и жиды, но
и единовѣр
ческихъ свѣ
не грабили
слѣдствіи к
всѣ таки гр
никогда не
ѣзжаго кре
началъ нынѣ
запорожскіе
женія Сѣчи.
— Ты же
— А кто
откуда-то из
— Но ты
— Они ча
— И нико
— Бороны
гами. Здѣсь
находятъ стар
помолиться въ
Многіе мнѣ
редавали толь
ство, особенно
Бесѣдуя и
вечера, такъ

добные люди, въ искусствѣ которыхъ были убѣждены, избирались послѣднее время въ *ватажки* или предводители шаекъ, рыскавшихъ по пограничью Польши и вторгавшихся въ предѣлы польскихъ провинцій, какъ видно безъ вѣдома коша, и извѣстныхъ подъ именемъ гайдамаковъ. Разбой эти, особенно въ послѣднее время существованья Запорожья, заслуживаютъ болѣе подробнаго изслѣдованія и представили бы много любопытнаго историку, который занялся бы добросовѣстнымъ изученіемъ этой недалекой, но чрезвычайно темной эпохи. Сперва разбой эти или наѣзды не имѣли характера собственно грабежа, но дѣлались съ цѣлью религіозной. Лыцарь войска запорожскаго—фанатическій поборникъ православія, если отправлялся въ Польшу даже и безъ вѣдома сѣчевой старшины, то не для того только чтобы, *лунить* ляха и жида, но наказать ихъ за притѣсненія его единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Эти шайки, какъ видно изъ нѣкоторыхъ историческихъ свѣдѣній (соч. относящіяся къ Уманской Рѣзнѣ), никогда не грабили крестьянъ, но только жидовъ и католиковъ. Впослѣдствіи конечно эти шайки сдѣлались чисто разбойниками, но все таки грабили купцовъ и проѣзжихъ людей высшаго сословія, никогда не нападая на селенія и не трогая прохожаго или проѣзжаго крестьянина. Извѣстные въ Малороссіи разбойники въ началѣ нынѣшняго столѣтія: Гаркуша, Копытько, Рябчикъ были запорожскіе характерники, оставшіеся въ краю послѣ уничтоженія Сѣчи.

— Ты же откуда, дѣдъ? спросилъ я своего спутника.

— А кто его знаетъ! Я былъ мальчикомъ, когда мы вышли откуда-то изъ Полтавской губерніи.

— Но ты же видѣлъ Запорожцевъ?

— Они часто къ намъ наѣзжали.

— И никого не трогали.

— Борони Богъ! А когда бывалъ неурожай, помогали и деньгами. Здѣсь у нихъ много зарыто кладовъ, и теперь еще люди находятъ старые рублики. Ну, да кромѣ того они пріѣзжали помолиться въ церковь: вѣдь утварь то вся была еще ихняя.

Многіе мнѣ и прежде рассказывали о характерникахъ, но передавали только слышанное. Преданій же осталось еще множество, особенно по окрестнымъ мѣстамъ.

Бесѣдуя и занимаясь ловлею рыбы, мы пробыли на водѣ до вечера, такъ что, израсходовавъ свой запасъ сѣтнаго, я по-

чувствовалъ порядочный голодъ и началъ торопить дѣда возвращеніемъ. Мы приплыли къ берегу далеко отъ моей квартиры. Поблагодаривъ старика за доставленное удовольствіе и захвативъ свою маленькую добычу, я хотѣлъ было идти домой; но рыбакъ снялъ шапку и низко мнѣ поклонился.

— Вы жаловались на голодъ, сказалъ онъ: я не могъ предложить вамъ ничего кромѣ хлѣба, а теперь вѣроятно баба моя наварила вечерять. Не побрезгайте!

Разумѣется, я и послѣ сытнаго обѣда не преминулъ бы воспользоваться обязательнымъ приглашеніемъ, потому что никогда не упускаю случая быть въ семьѣ простолюдина, въ особенности если мнѣ не надобно выдумывать предлога для извиненія своего прихода. Ужинъ былъ уже приготовленъ и грубая деревенская скатерть разостлана на дворѣ передъ порогомъ, на которой лежали ложки и куски хлѣба. Старикъ велѣлъ было вынести для меня *ослончикъ* (скамеечку), но я поблагодарилъ, желая казаться какъ можно проще въ моихъ привычкахъ. Хозяйская дочь, посовѣтовавшись однако же съ матерью, положила собственно передо мною чистое полотенце, исправляющее должность салфетки, тогда какъ для всѣхъ вообще служилъ одинъ ручникъ, какъ видно, бывший уже въ употребленіи. Наконецъ всѣ мы уѣли за столъ или вѣрнѣе за скатерть, кому какъ удобнѣе: старикъ, старуха, я между ними, потомъ сынъ ихъ съ женою, двѣ дочери послѣдняго, взрослыя дѣвушки, и вдова—дочь стариковъ, живущая у нихъ въ домѣ. Послѣдняя съ одной изъ дѣвушекъ преимущественно прислуживали. Первою обязанностью мужчинъ было снять шапки, потому что крестьянинъ нашъ ни въ какомъ случаѣ не дозволить себѣ сѣсть за обѣдъ въ шапкѣ, даже въ дорогѣ; подкрѣпляя силы, онъ снимаетъ этотъ головной уборъ, считая неприличнымъ ѣсть *святой хлѣбъ* съ покрытою головою. Старикъ велѣлъ женѣ *почастовать* (попотчевать) гостя. — Охъ лишенько, я й забула! вскрикнула старушка, отправилась въ хату и вынесла разрисованный штофикъ, какіе преимущественно продаются въ Кіевѣ на Подолѣ, и такую же небольшую чарку.

Я не пью водки; зная, однакоже, что отказъ огорчитъ хозяевъ, принужденъ былъ отвѣдать глотокъ, и только когда побожился, что не уживаю (не употребляю), тогда меня уволили. Выпили старикъ, старуха, сынъ ихъ и жена послѣдняго; вдова отказалась, дѣвушкамъ не предлагали. Слѣдовало обычное пре-

дисловоіе.
но какой
дымящей
тотчасъ
мы нач
чалось о
небольш
Хлѣбъ л
ный. Ко
вали), в
уже про
отеутств
нина, и
этого ор
же вста
бой по
лась ды
гастроно
воздухѣ
бѣ пищу
да отзы
каждому
Наконец
выразил
слѣднимъ
— Бо
лаконизм
куйте Бо
Какъ
мени съ
семьи за
отрадно
щимъ та
меня, и
въ семей
Есть б
велѣдствіе
Почва
гдѣ во во

дислово, что я буду голодень, что крестьянскій ужинъ извѣстно какой и т. д. Наконецъ передъ нами поставили двѣ миски дымящейся ухи, пріятнаго запаха, со свѣжею рыбою. Дѣвушки тотчасъ часъ же вытащили ложками рыбу въ особую миску, и мы начали ужинъ такой вкусной ухой, какой давно уже не случалось отвѣдывать. Она приготовлена была просто на водѣ съ небольшимъ количествомъ луку и нѣсколькими зернами перцу. Хлѣбъ лежалъ большими ломтями, свѣжій и хорошо выпеченный. Когда убрали уху, которую два раза *подсыпали* (подливали), къ срединѣ подвинута была разварная рыба, успѣвшая уже простынуть. Можетъ быть иного джентельмена смутило бы отсутствие вилокъ, но мнѣ не первый разъ трапезовать у крестьянина, и потому я удовлетворилъ свой аппетитъ безъ помощи этого орудія, хотя, къ удивленію моихъ собесѣдниковъ, тотчасъ же всталъ и, нисколько не стѣняясь, вымылъ руки. За рыбой послѣдовала молочная каша, которая немного отзывалась дымомъ; но это качество, показавшееся бы противнымъ гастроному, для меня имѣетъ особенную пріятность на свѣжемъ воздухѣ. Кто проводилъ много времени въ полѣ и готовилъ себѣ пищу по лѣсамъ или стѣнямъ, тотъ знаетъ, что кушанье всегда отзывается дымомъ, и хоть я не скажу, чтобъ это шло къ каждому блюду, однако молочная каша не теряетъ при этомъ. Наконецъ все встали, помолились, и каждый членъ семейства выразилъ свою благодарность старикамъ; я тоже сказалъ послѣднимъ свое спасибо.

— Богу! было отвѣтомъ старика и старухи. Это малорусскій лаконизмъ. Здѣсь подразумѣвается: *меня дякуватъ нізащо, дякуйте Богу.*

Какъ гость, знающій приличія, я посидѣлъ еще нѣсколько времени съ крестьянами и пошелъ, осыпаясь благодарностью всей семьи за то, что не побрезгалъ хлѣбомъ и солью. Мнѣ было отрадно видѣть простаго рыбака и человѣка небогатаго—ведущимъ такой образъ жизни. Вѣдь не готовилась же вечеря для меня, и это было не въ праздникъ: значить такъ уже заведено въ семействѣ.

Есть бѣдняки и въ Покровскомъ, но ихъ очень мало и то вслѣдствіе какихъ нибудь особыхъ причинъ.

Почва плодородная, и вездѣ прекрасная растительность: нигдѣ во всемъ краю не видѣлъ я такихъ толстыхъ и высокихъ

вишневыхъ деревьевъ, какъ въ Покровскомъ, возлѣ дома управляющаго. Крестьяне однакоже не занимаются садоводствомъ, развѣ у кого изстари возлѣ хаты росли деревья, у иного же мужика ни кустика. Вообще это не въ нравахъ простолюдина, и надобно уже особую любовь къ саду, чтобы крестьянинъ сожалѣлъ деревья, надобно *кохаться* въ этомъ, по народному выраженью. Я говорю преимущественно о придѣлѣ Покровскомъ жителѣ.

Проживая въ Покровскомъ, я не замѣтилъ никакихъ особенностей въ нравахъ и обычаяхъ простонародья, которые отличались бы отъ свойственныхъ вообще малорусскому племени, и селеніе это сохраняетъ патріархальный бытъ селеній, удаленныхъ отъ проѣзжей дороги, въ которыхъ пребываніе владѣльца и частые военные постои не развили воровства и разныхъ разрушительныхъ болѣзней.

Слово выговорилось и потому нельзя не высказать и нѣскольکو мыслей относительно этого обстоятельства. Села и деревни, занимаемая войсками, какого бы то ни было оружія, занимаемая часто, — рѣзко отдѣляются нравственностью отъ сель, въ которыхъ рѣдко бывали военные постои. Малорусское племя несклонно къ воровству, что уже замѣчено многими, и что еще болѣе доказывается отсутствіемъ въ языкѣ слова «воръ», имѣющаго общее названіе «злодій». Но мы не будемъ углубляться въ исторію; возьмемъ для примѣра нѣкоторыя черты изъ быта малорусскаго крестьянина. Малоруссъ двора своего не огораживаетъ неприступными стѣнами; плетень низокъ, ворота изъ перекладинъ, которыя легко перешагнуть, и на которыхъ значить бесполезны замки и затворы. Зачастую и сарайчикъ завязанъ какою нибудь *мотузочкою* (веревочкою). Онъ живетъ на распашку, какъ бы сознавая, что безчестная идея завладѣнія чужой собственностью, идея дикая, появляющаяся у кого нибудь въ видѣ исключенія. Такъ было до сихъ поръ и такъ есть и въ настоящее время, особенно на мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ большихъ трактовъ. Отецъ и мать ни за что такъ жестоко не наказываютъ ребенка, какъ за воровство, считая послѣднее самымъ гнуснымъ проступкомъ. Это конечно общій характеръ племени, выработанный исторіей, но къ сожалѣнію, частные примѣры проявляются въ неутѣшительной пропорціи.

Съ одной стороны подъ этотъ принципъ подкапывалось крѣпостное право, съ другой военные постои; но какъ принципъ слишкомъ еще твердъ, то онъ и крѣпко держится на благопріятныхъ мѣстностяхъ, на другихъ же хоть и пошатнулся, однако не рухнулъ еще совершенно. Ничего не можетъ быть порочнѣе скопища большой дворни, особенно у богатаго помѣщика, у котораго нерѣдко гнѣздится во дворѣ болѣе 100 душъ обоого пола. И здѣсь находятся утѣшительныя явленія, однако рѣдко, а большею частью въ подобныхъ дворняхъ возникаютъ міазмы разврата и разносятся медленнымъ ядомъ по деревнѣ, заражая здоровое человѣчество. Я постараюсь быть краткимъ и не стану вдаваться въ отступленія. Можетъ ли крѣпостная дворня быть нравственною у самаго хорошаго господина, не говоря уже о помѣщикахъ, которыхъ можно назвать язвою нашего общества. Наконецъ богатый помѣщикъ, даже съ современными идеями, не обращаетъ вниманія на частную жизнь дворни: онъ, какъ честный человѣкъ, требуетъ отъ управителя или эконома, чтобы люди получали исправно паекъ, одежду, имѣли бы помѣщеніе; но дальше не его дѣло. Да и дѣйствительно—достанетъ ли у него времени заботиться вообще о благосостояніи всѣхъ этихъ существующихъ десятками Филекъ, Ванекъ, Прошекъ, Дуняшекъ, Парашекъ, Маврушекъ? Вѣдь они сыты, обуты, одѣты и ихъ даже не слишкомъ бьютъ дворецкіе и экономки. Это я очеркнулъ бытъ дворовъ, случающійся, можетъ быть, у одного изъ десяти помѣщиковъ. При томъ же это очеркъ общій,—надобно разсмотрѣть нѣкоторыя частности. Лакеи, конюхи, повара, псари, музыканты, разные ремесленники, все это по большей части народъ молодой, холостой и непременно болѣе или менѣе испорченный. Дворовый человѣкъ, учившійся какому нибудь ремеслу хоть въ губернскомъ городѣ, или просидѣвшій лѣтъ шесть въ передней, непременно утратилъ значительную часть всего, что было въ немъ хорошаго, и усвоилъ себѣ множество пороковъ, которые и распространяетъ между деревенскимъ населеніемъ. Здѣсь главную роль играетъ сознание, выработавшееся въ немъ вслѣдствіе столкновенія съ болѣе развитыми натурами, сознание безвыходнаго рабства; притомъ же онъ имѣетъ случай безпрерывно видѣть, слышать и испытывать на себѣ самыя дикія притязанія необузданнаго произвола. Если ре-

ремесленникъ, успѣвшій немного испортить свою нравственность въ учени, возвращается въ свое семейство, онъ мало по малу бросаетъ свои пороки и дурныя наклонности, женится и современемъ дѣлается порядочнымъ семьяниномъ. Но этотъ же самый ремесленникъ, осуждаемый на жизнь двороваго, помѣщенный гдѣ нибудь въ берлогѣ, работающій изо дня въ день на барина безъ всякаго вознагражденія, отщепенецъ отъ своего семейства, топить свое горѣ въ чаркѣ, къ которой уже по привыкѣ онъ, бывши подмастерьемъ, когда водилась у него заработанная копѣйка. Молодое лакейство въ свою очередь посѣщаетъ кабакъ, и вотъ обоюго пола дворовая молодежь заводитъ между собою отношенія, которыя въ деревняхъ, особенно малорусскихъ, считаются предосудительными. Матеріальныхъ средствъ нѣтъ поддерживать разгульный образъ жизни и потому является стремленіе къ приобрѣтенію чужой собственности, чему еще много способствуетъ картежная игра—единственное развлеченіе туеядцевъ. Все это бываетъ у самыхъ хорошихъ помѣщиковъ, а что же совершается у самыхъ дурныхъ и безнравственныхъ, которыхъ, нельзя же сказать, чтобъ не было въ сословіи дворянства? Минуло то время, когда считали необходимымъ расписывать въ розовомъ цвѣтѣ нашъ патріархальный помѣщичій бытъ съ его отеческою обстановкою. Пожалуй и теперь иные фантазеры, въ искренность которыхъ однакоже вѣрится плохо, готовы представлять этотъ бытъ чуть не золотымъ вѣкомъ; но кто имѣлъ случай всматриваться въ деревенскую жизнь и не имѣеть надобности или считаетъ неблагороднымъ обманывать читателей, тотъ будетъ рисовать съ натуры, не прибѣгая къ фантазіи.

У дурнаго помѣщика дворянства—чистый вертепъ разврата, обильный разсадникъ безнравственности для всего деревенскаго населенія, потому что въ деревнѣ невольно прививаются пьянство, воровство и еще третій порокъ, разносимые Фильками, Сережками, Сеньками, Матрешками, Фіонками, и пр. Дворянъ никогда не видятъ справедливости. Положимъ, баринъ, выѣзжая послѣ именинаго ужина отъ сосѣда, едва съ помощію слугъ могъ попасть въ экипажъ и проспалъ всю дорогу. Но барыня ему на другой день рассказывала, что кучеръ все время въ гостяхъ пьянствовалъ и едва донесъ до дому, а лакей не вязалъ лыка. Призываются виновные, и баринъ послѣ отеческаго наставленія собственноручно,

и послѣ
и кучер
медіе.
не толь
пшевн
лакейств
ны, при
чески н
зывать
Богъ, п
го прав
Вотъ
деревен
ровства
ный Сбо
благоро
быта, а
нуться н
ламъ—ч
въ разно
неотягощ
дебно со
первыхъ
нимаешь
частую
этихъ о
рона, а
правленіе
войска р
жимъ, въ
останавл
стыхъ лю
свои физи
никакихъ
жителями
ныя. Нѣс
рять непр
большаго
ходимому

и послѣ увѣщанія, что пьянство большой порокъ—отправляютъ и бучера и лакея на конюшню, гдѣ виновные и получаютъ возмездіе. Иной баринъ провелъ всю ночь за картами и, проигравъ не только наличность, но нерѣдко порядочный запасъ водки или пшеницы, выходитъ на разсвѣтъ въ переднюю и видитъ, что лакейство въ свою очередь опустошаетъ другъ у друга карманы, приходитъ въ негодованіе и тутъ же подвластныхъ ему отечески наказываетъ на мѣстѣ преступленія А дѣвичья! Но разсказывать ли мнѣ всѣ тѣ возмутительныя сцены, которыя, дасть Богъ, пройдутъ уничтоженіемъ этого богопротивнаго крѣпостнаго права.

Вотъ причины, отъ которыхъ съ одной стороны портится деревенская нравственность и получаетъ въ себя элементъ воровства. Теперь посмотримъ на вліяніе военного постоя. «Военный Сборникъ», въ прекрасныхъ статьяхъ своихъ, откровенно и благородно говоритъ о многихъ темныхъ сторонахъ армейскаго быта, а потому я смѣло могу, при этомъ удобномъ случаѣ, коснуться нѣкоторыхъ частныхъ при квартирваніи войскъ по селамъ—частностей, много видѣнныхъ мною въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Не было еще примѣра, чтобы умѣренный постоя, неотягощающій несоразмѣрной массой, былъ встрѣчаемъ враждебно со стороны деревенскаго населенія. Каждый житель на первыхъ порахъ, если не съ радостью, то и безъ неохоты принимаетъ постояльцевъ, и между солдатомъ и его хозяиномъ зачастую возникаютъ самыя дружелюбныя отношенія. Поддержка этихъ отношеній зависитъ отъ нравственности роты или эскадрона, а нравственность эта, надобно сказать, получаетъ свое направленіе отъ командующихъ частями. Но вездѣ ли и всегда войска размѣщаются сообразно съ населеніемъ? И вотъ, положимъ, въ деревнѣ, имѣющей 500 душъ жителей обоего пола, останавливается рота, т. е. около двухъ-сотъ молодыхъ, холостыхъ людей, изъ которыхъ каждый, какъ человѣкъ, имѣетъ свои физическія нужды. Первое время проходитъ смиренно, нѣтъ никакихъ жалобъ; но миноваль мѣсяць, другой, и войско съ жителями становятся уже въ отношенія не совсѣмъ дружелюбныя. Нѣсколько случаевъ разврата, на которые селянинъ смотритъ непривѣтливимъ взглядомъ, положимъ, оканчиваются безъ большаго труда; и масса народонаселенія привыкаетъ къ необходимому злу. Но съ этимъ неизбежнымъ зломъ появляется за-

частую зло гибельное и совсѣмъ уже не необходимое—это разные виды той страшной болѣзни, которая хотя и замѣтно сдѣлалась слабѣе, однако же имѣетъ страшное вліяніе на здоровье какъ настоящаго, такъ и будущаго поколѣнія. Какимъ же образомъ тотъ или другой порокъ прививается къ здоровому народонаселенію,—отвѣчать не трудно. На нивѣ самой чистой пшеницы, посѣйте нѣсколько горстей куколю, и какъ вы уже потомъ ни истребляйте его,—не будетъ у васъ прежней чистой пшеницы.

Одно только отрадно, что есть надежда видѣть всѣ это улучшеннымъ, во первыхъ, съ преобразованіями по всѣмъ частямъ, во вторыхъ, съ просвѣщеніемъ, къ которому стремится общество, а въ третьихъ съ усовершенствованіемъ путей сообщенія, которые произведутъ значительную перемену какъ въ численности арміи, такъ и въ ея расквартированіи.

Какъ современному человѣку, мнѣ было пріятно проживать въ Покровскомъ между честными, добрыми и трудолюбивыми жителями, которымъ удалось жить привольно во владѣніи образцоваго помѣщика; но какъ истому малоруссу, признаюсь, грустно бродить по изглаживающимся слѣдамъ послѣдней Сѣчи Запорожской. И эта грусть возникла не оттого, что я смотрю съ узко-національной точки зрѣнія или простодушно сожалею за чѣмъ безвозвратно уничтожено сѣчевое товариство: подобныя мысли были бы верхомъ отсталости и даже невѣжества; но потому, что у насъ смотрятъ недоброжелательно на эту общину и, говоря о ней мимоходомъ, вносятъ свои воззрѣнія на предметъ, въ духѣ, извинительно только современнику Екатерины II. Г. Скальковскій давно уже замолчалъ и ничего не пишетъ о Запорожьѣ, хотя и нельзя не сказать ему спасибо за то, что первый онъ коснулся этого предмета; годъ отъ году исчезаютъ памятники, затемняются преданія; новый житель Сѣчи копаетъ подъ огородъ и слѣды насыпей и самыя могилы героевъ козачества, да и наконецъ горсть Запорожцевъ, остававшихся въ Турціи, переводится мало по малу. Вотъ, вотъ скоро не останется никакихъ указаній, и развѣ магистрантъ петербургскаго или московскаго университета напишетъ исторію Запорожья по бѣднымъ печатнымъ источникамъ, незнакомый ни съ языкомъ, ни съ нравами и обычаями козаковъ, однимъ словомъ—съ тѣми источниками, которые могли бы еще служить руководствомъ въ настоящее время.

Здѣсь
будутъ
дальше
кончит

Здѣсь я оканчиваю поѣздку по Запорожью. Дальнѣйшія статьи будутъ называться поѣздкой по низовьямъ Днѣпра, и хоть и дальше жили Запорожцы, однако мнѣ казалось приличнѣе всего кончить статью на развалинахъ послѣдней Сѣчи.